

С тех пор Лу Ваньчэн уделял много внимания событиям в павильоне Циндай и каждый день интересовался новостями.

Хуань Тун вошел снаружи, и, прежде чем он успел заговорить, Лу Ваньчэн ущипнул себя за горло и сказал: «Молодой мастер, шаоцзюнь, в павильоне Циндай наконец-то произошел несчастный случай!»

Линь Цинюй: «...»

Хуань Тун выглядел совершенно растерянным, переспросив: «Что?»

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Я предполагаю, что когда-нибудь ты это скажешь, поэтому я подражал тому, как ты говоришь».

Линь Цинюй тут же испортил его представление: «Во-первых, Хуань Тун не назвал бы меня „шаоцзюнем“. Если ты собираешься подражать ему, то, по крайней мере, постарайся подражать хорошо. Во-вторых, для того чтобы лекарство основательно навредило чьему-то здоровью нужен отнюдь не один день. — Линь Цинюй подозрительно спросил: — Почему ты беспокоишься даже больше меня?»

«Ну, мне скучно ничего не делать, кроме как отдыхать? Я все время кашляю и не могу заснуть».

В последнее время Лу Ваньчэн плохо спал. У него даже были синевато-фиолетовые круги под глазами.

Линь Цинюй немного подумал и спросил Хуань Туна: «Тогда зачем ты пришел?»

«О. — Наблюдая за тем, как эти двое разговаривают, Хуань Тун почти забыл о цели своего прихода. — Управляющий Чжан здесь».

Линь Цинюй сказал: «Впусти его».

На этот раз Чжан Шицюань пришел, чтобы рассказать им о чем-то странном. Среди различных предприятий резиденции Хоу половину из них составляли рестораны и магазины в городе, а также деревни в сельской местности. Урожай деревень в сельской местности зависел от погоды. Засуха может привести к неурожаю, который будет длиться больше полугода. В начале года Сюйчжоу страдал от засухи. Как ни странно, доходы нескольких деревень в Сюйчжоу не уменьшились, а наоборот, выросли. В бухгалтерских книгах не было никаких проблем, и зерно действительно было отправлено на склад резиденции Хоу. Этот случай был довольно подозрителен.

Видя, что Чжан Шицюань так обеспокоен, Хуань Тун спросил: «Мы получили больше урожая, а

не меньше. Разве это не счастливое событие?»

Чжан Шицюань сказал: «Поскольку мы не знаем, откуда взялось это богатство, если оно окажется добытым нечестным путем, вся резиденция Хоу может быть замешана».

Линь Цинюй бросил косой взгляд на Лу Ваньчэна, который лежал на луохане. Отдыхающий на луохане благородный сын был все так же расслаблен и доволен, несмотря на свою болезнь. Прикрыв глаза, он оставался в стороне от вопросов, которые не касались лично его.

Чжан Шицюань спросил: «Шаоцзюнь, могу я послать кого-нибудь расследовать это дело?»

Линь Цинюй был действительно обеспокоен, но, когда его мысли достигли губ, он изменил свои слова: «Не нужно. В любом случае, это не дефицит доходов. Мне не хочется беспокоиться об этом».

Глаза Лу Ваньчэна широко раскрылись, и Линь Цинюй показалось, что он даже видит, как его уши наострились. Он находил все это забавным.

Чжан Шицюань нерешительно сказал: «Шаоцзюнь, я думаю, что не следует относиться к этому вопросу небрежно. Было бы лучше расследовать это».

«Мы поговорим об этом в другой раз. — Линь Цинюй встал и сказал: — Я немного устал. Я возвращаюсь в комнату, чтобы отдохнуть. Поступайте, как вам заблагорассудится».

Как только Линь Цинюй ушел, обеспокоенный управляющий и соленая рыба посмотрели друг на друга.

Всем было известно, что молодой мастер Хоу всегда был безразличен ко всему, стоя выше всех мирских дел. Он никогда не спрашивал о домашних делах, какими бы большими или маленькими они ни были. Им нужно было только подчиняться приказам шаоцзюня. Теперь, когда шаоцзюнь сказал не расследовать, хотя он и не одобрял такой практики, он мог только выполнять приказы.

Чжан Шицюань вздохнул.

«Молодой мастер Хоу, я уйду первым».

«Подождите, — тоскливо сказал Лу Ваньчэн. — Суйчжоу нуждается в расследовании, и вы должны сделать это сами. Я подозреваю... — Лу Ваньчэн сделал паузу. — Еще не слишком поздно. Вы должны уехать как можно скорее».

С тех пор как Чжан Шицюань вошел в резиденцию Хоу, молодой мастер Хоу отдал ему только

один приказ – разделить заботы шаоцзюня, и ничего больше. Молодой мастер Хоу внезапно заинтересовался этим вопросом, и управляющий удивленно выпалил: «Но шаоцзюнь сказал...»

«Шаоцзюнь устал, и ошибки в суждениях неизбежны, — через силу сказал Лу Ваньчэн. — Мне неохотно придется побеспокоиться о его наследстве за него».

Чжан Шицюань не посмел медлить и на следующий же день отправился в Сюйчжоу. Когда Линь Циньюй узнал об этом, он стал еще внимательнее наблюдать за Лу Ваньчэном.

Что следует делать, чего делать не следует; что можно делать, а что нельзя – Лу Ваньчэн мог сказать яснее, чем кто-либо другой. Но ему просто лень работать, он хотел просто лежать пластом. Только когда никто не захотел помочь ему, он заставил себя сделать необходимое.

Лу Ваньчэн однажды сказал, что устал от учебы, но все же смог занять первое место. В то время он просто воспринял это как пустую болтовню Лу Ваньчэна. Сейчас... он действительно в это верил.

Стояло палящее лето, и сильная жара была невыносимой. Линь Циньюй уже давно был в ванной комнате. Его тонкая одежда давно промокла от пота, и ощущение, что она прилипает к коже, было крайне неприятным. Он протянул руку, чтобы проверить температуру воды, и, почувствовав, что это приемлемо, попросил Хуань Туна вкатить кресло с Лу Ваньчэном внутрь.

Несмотря на всю лень Лу Ваньчэна, он уделял большое внимание личной чистоте. Когда он был в добром здравии, то летом каждый день принимал ванну. Линь Циньюй беспокоился, что он простудится, поэтому попросил его мыться только через день. Лу Ваньчэн не хотел следовать его рекомендациям и хотел поднять шум. К счастью, резиденция Хоу была богатым домом, и слуги были очень внимательны. Когда Линь Циньюй разозлила эта суета, он просто оставил его слугам.

Линь Циньюй высыпал лекарственный порошок в ванну. Услышав движение со стороны дверного проема, он сказал, не поворачивая головы: «Все готово».

Лу Ваньчэн был немного удивлен: «Почему ты...»

«Прошло много времени, но твой кашель никак не проходит. Это мешает людям спать. Лечебная ванна перед сном может помочь тебе выздороветь».

Линь Циньюй обернулся. Он заправил прилипшие к щекам от пота волосы за уши.

В ванной комнате были зажжены свечи, и воздух наполнился туманом. Щеки Линь Циньюй порозовели от пара, и даже его губы казались блестящими от влаги.

Лу Ваньчэн издал «О» и молча отвернулся.

Линь Цинюй сказал: «Хуань Тун, помоги молодому мастеру Хоу раздеться».

Полный энергии Хуань Тун сказал: «Да, молодой господин».

Лу Ваньчэн позволил Хуань Туну раздеть его, и спросил: «Цинюй, ты собираешься остаться и посмотреть, как я принимаю ванну?»

«Нет. Температура воды в лечебной ванне очень важна. Чуть горячее или чуть холоднее – и это повлияет на эффективность, поэтому я хочу остаться и проследить».

Лу Ваньчэн моргнул и сказал: «Тогда ты будешь смотреть, как я принимаю ванну».

Голос Линь Цинюй стал громче: «Я же сказал, что нет».

Лу Ваньчэн улыбнулся.

«Эх. Что мне делать, если я немного застенчив?»

Линь Цинюй использовал всего девять слов, чтобы заставить Лу Ваньчэна отбросить свое бесстыдство: «Разве нас не связывает глубокая дружба, мой добрый брат?»

Лу Ваньчэн как будто очнулся ото сна: «...Добрый брат!»

Его раздевали, пока на нем не осталось только нижнее белье. Они вдвоем помогли ему забраться в ванну, и все это время мужчина ворчал: «Это тело слабое как курица. У него нет пресса. Это так уродливо».

Он оставался дома круглый год. Цвет лица Лу Ваньчэна был светлее, чем у некоторых женщин, а его конечности были стройными. Это было совсем не уродливо. Лу Ваньчэн не любил быть «уродливым», вероятно, потому что предпочитал сильное и крепкое тело.

Ванна была не очень глубокой, и Лу Ваньчэн погрузил в лечебную ванну только нижнюю половину груди. Линь Цинюй и Хуань Тун полили водой его плечи, чтобы отвар пропитал все его тело.

Ванная комната была наполнена лекарственным ароматом. Смешанный с горячим водяным паром, он заставлял дыхание немного учащаться.

Линь Цинюй внезапно сказал: «Молодой мастер Хоу».

Лу Ваньчэн поливал себя «жидким лекарством».

«Хм?»

Линь Цинъюй протянул руку и приподнял подбородок Лу Ваньчэна, внимательно глядя на него при свете свечей.

Сердцебиение Лу Ваньчэна постепенно становилось нестабильным. Понизив голос, он спросил: «Почему ты на меня смотришь?»

Линь Цинъюй отпустил его, и его губы изогнулись в улыбке.

«Наконец-то я тебя понял».

Когда Лу Ваньчэн увидел улыбку Линь Цинъюй, он сам не смог удержаться от ответной улыбки.

«Почему ты так говоришь?»

«На первый взгляд ты кажешься ленивым, но в глубине души ты стремишься быть лучшим во всем. Как и мне, тебе не нравится подчиняться другим. Поэтому, даже если ты ненавидишь учебу, чтобы занять первое место, ты все равно заставлял себя усердно работать. Даже если твоя „мама“ взваливает на тебя такие тяжелые обязанности, что ты даже не можешь выспаться, ты все равно всему хорошо учишься. Даже если я не захочу пробираться через мутные воды резиденции Наньань Хоу, в конце концов, ты все равно примешь меры».

Он был ленив и не любил проигрывать; он сознательно плыл по течению, но несмотря на это, мог выиграть. Лу Ваньчэн был действительно странным человеком.

Улыбка в глазах Лу Ваньчэна стала еще шире.

«Ты прав, но и не совсем. В прошлом, когда я учился, некоторые люди соревновались со мной. Если я не хотел проигрывать, я мог только учиться. Но сейчас, в резиденции Наньань Хоу, я – тот, кто вот-вот умрет. К чему мне стремиться? — После этого сам Лу Ваньчэн казался ошеломленным. — Правильно, к чему, черт возьми, я стремлюсь?»

Линь Цинъюй легкомысленно сказал: «Это то, о чем ты должен спросить себя».

Лу Ваньчэн на некоторое время задумался. Он поднял глаза, чтобы посмотреть на Линь Цинъюй. Его брови были окутаны туманом; они, казалось, выражали теплые и нежные чувства.

«Конечно, это потому, что молодому мастеру Хоу достаточно пошевелить губами в резиденции

- и кто-то другой поможет ему в этом. Это действительно экономит усилия*».

[Примечание: Это значит, что это никого не утомляет.]

Внезапно услышав голос Хуань Туна, Лу Ваньчэн был так потрясен, что нырнул в воду, оставив открытой только голову.

«Почему ты здесь?»

Хуань Тун почесал в затылке и ответил: «Я всегда был здесь».

Лу Ваньчэн: «...»

Отмокнув в лечебной ванне, Лу Ваньчэн спокойно проспал ту ночь. Когда он проснулся на следующий день, то стал значительно энергичнее, и кашель был не таким сильным, как раньше. Лу Ваньчэн сделал предположение: «Это легендарное „последнее сияние заходящего солнца“*?»

[Примечание: Мгновенное восстановление сознания непосредственно перед смертью.]

Линь Цинюй кивнул.

«Да, мы можем начать готовиться к твоим похоронам».

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Тогда я должен подумать о том, какую одежду надеть перед смертью».

В прошлом Лу Ваньчэн также часто шутил по поводу своей смерти. Линь Цинюй много слышал это, поэтому, естественно, не должен был воспринимать это всерьез. Но теперь...

Линь Цинюй посмотрел на пышные деревья за окном и медленно сжал кулаки.

После обеда Лу Ваньчэн, как обычно, пошел вздремнуть. Но его потревожил звук бамбуковой флейты и струнных инструментов, из-за чего он не мог крепко спать. Линь Цинюй попросил Хуа Лу пойти посмотреть, что происходит. Оказалось, что это играли артисты, которых Лу Цяосун содержал в своем дворе.

Павильон Циндай Лу Цяосуна и Павильон Голубого Ветра находились далеко друг от друга. Обычно шум разгульной жизни Лу Цяосуна не достигал их двора. Но по какой-то причине сегодня тот установил пипу в павильоне, ближайшем к Павильону Голубого Ветра. Помимо звуков пипы, время от времени в их павильон доносилось пение птиц, а также шум разговоров

и смех.

Не пытаясь скрыть своих слов, Линь Цинюй сказал: «Почему он еще не умер?»

Лу Ваньчэн сказал: «Возможно, твое лекарство не настолько эффективно?»

Линь Цинюй холодно сказал: «Как это возможно? Я думаю, он тоже знает, что его тело слабое, поэтому не осмеливается много пить и веселиться, как обычно. Я пойду и посмотрю».

Лу Ваньчэн вздохнул и с трудом встал.

«Тогда я тоже пойду».

Линь Цинюй покати́л кресло с Лу Ваньчэном к павильону. Издалека они уже могли видеть, что внутри было много людей. Все эти молодые гунцзы были друзьями Лу Цяосуна по поэзии. Тот гордится своей романтичностью и утонченностью. Он часто встречался со своими друзьями-поэтами. Они клялись, что сочиняют стихи, наслаждаясь вином. И только они сами знали, делали ли они что-то другое, кроме этого.

Лу Цяосуну запрещено покидать резиденцию. Ему не разрешали выходить из дома, поэтому друзья-поэты пришли к нему. Но, глядя на сидящих в павильоне мужчин, можно увидеть, что каждый из них обнимал очаровательную женщину. Под павильоном было также несколько артистов, играющих на пипах.

Лу Цяосун держал в руке кисточку, обмакивая ее в чернила. Все друзья вокруг него аплодировали. Певица с улыбкой на лице прислонилась к нему, обмахиваясь шелковым газовым веером.

Первыми, кто увидел Линь Цинюй и Лу Ваньчэна, были девушки, игравшие на пипе. Все они жили в резиденции Хоу и, хотя никогда не видели Линь Цинюя, давно слышали от других, что с этим шаоцзюнем шутки плохи. Из двух человек, с которыми шаоцзюнь лично имел дело в прошлые разы, одного понизили до самого низкого класса слуг и заставили каждый день выполнять грязные и утомительные поручения, а другой сошел с ума и был выслан из резиденции Хоу – а ведь та момо была доверенной помощницей мадам.

Когда играющая на пипе девушка увидела Линь Цинюй, то поспешно остановилась. Музыка внезапно оборвалась, заставив остальных людей обернуться. Выражение лица Лу Цяосуна изменилось, и он бросил кисть, которую держал в руке, на картину; чернильные пятна медленно расплывались по бумаге.

По сравнению с ним, глаза его друзей-поэтов, когда они смотрели на двух людей, были заинтригованными. Все, кто знал Лу Цяосуна, знали, что у него был больной старший брат, которому недолго осталось жить. По всей вероятности, человек в инвалидном кресле должен

быть им.

Единственное, что можно было сказать, – это то, что он достоин быть старшим сыном благородного дома. Даже сидя в инвалидном кресле, благородный вид молодого мастера Хоу было трудно скрыть. И тот, кто стоял за ним... Все они долгое время были завсегдатаями борделей, не было такой красавицы, которую они не видели раньше, но впервые увидев этого человека, они все равно были немного удивлены и обменялись выразительными взглядами.

Неожиданно изнурённому недугом молодому мастеру Хоу очень повезло в любви. Жаль, что каким бы прекрасным ни был этот мужчина, Лу Ваньчэн не сможет им насладиться.

«Это, должно быть, молодой мастер Хоу, — сказал молодой человек в парчовом одеянии королевско-синего цвета. — Меня зовут Цэн Тяньлэй. Приветствую молодого мастера Хоу».

Лу Ваньчэн подпер щеку рукой и с большим интересом сказал: «Почему вы все остановились? Продолжайте играть и веселиться».

Все беспомощно посмотрели друг на друга.

Цэн Тяньлэй был из тех, кто знал, как жить за счет других. Он сказал с улыбкой: «Возможно, наше веселье здесь обеспокоило молодого мастера Хоу?»

Линь Цинюй холодно спросил: «А вы как думаете?»

Теперь, когда он заговорил, остальные, наконец, могли прямо взглянуть на него. Мужчина рядом с Лу Цяосунем, казалось, выпил слишком много и даже не мог устоять на ногах. Он пристально посмотрел на Линь Цинюй и сказал: «Цяосун-сюн (уважительное «старший брат»), этот красавчик – наложница твоего старшего брата?»

Зрачки Линь Цинюй слегка сузились. Его руки, обхватившие ручки инвалидного кресла, внезапно напряглись.

Лу Цяосун засмеялся и сказал: «Кто может сравниться с Хуаном-сюн, когда дело доходит до пронизательного взгляда? Давай, давай, давай. Скажи мне, почему ты думаешь, что он – наложница, а не настоящая жена?»

Пьяный мужчина нес чушь: «Если ты женишься... то должен жениться на идеальной супруге*, честной и талантливой. Настоящая супруга была бы занята, помогая своему мужу и заботясь о детях, ведя домашнее хозяйство. Как она могла обладать такой соблазнительной внешностью?»

[Примечание: Концепция идеальной супруги – это та, которая не слишком красива и не слишком способна. Слишком способная жена затмила бы мужа и заставила бы его чувствовать себя неполноценным. А красивая жена не была бы добродетельной, и муж также быстро устал

бы от ее красоты.]

Цэн Тяньлэй прошептал: «Хуан-сюн, прекрати болтать».

«Почему он должен молчать? То, что он сказал, было хорошо! — Лу Цяосун поднял кубок с вином. — Я, твой младший брат, предлагаю тост за твои мудрые слова!»

Как раз в тот момент, когда Линь Цинъюй собирался разозлиться, он вдруг почувствовал, как кто-то похлопал его по тыльной стороне руки. Он услышал, как Лу Ваньчэн с улыбкой сказал: «Моя супруга - великодушный и утонченный человек, у него элегантный темперамент. У него явно есть все признаки законной супруги. У этого брата проблемы со зрением?»

Цэн Тяньлэй сложил руки* и отдал честь. Он сказал: «Хуан-сюн оскорбил шаоцзюня. Он слишком много выпил и сделал эти замечания под воздействием алкоголя. Я надеюсь, что шаоцзюнь не примет это близко к сердцу».

[Примечание: 拱手 / gǒngshǒu. 1) складывать руки (в знак приветствия, просьбы, почтения) - левая кисть охватывает правый кулак перед грудью; приветствовать (кланяться со сложенными у груди руками; кланяться; с поклоном. 2) покорно, без сопротивления. 3) с лёгкостью, без малейшего усилия, не пошевелив пальцем.]

«Так не пойдет. Пьян он или нет, но он сказал такие оскорбительные вещи. Но раз вы все пришли сюда, значит, вы все - гости, и я должен позволить вам сохранить лицо. — Лу Ваньчэн постучал по подлокотнику кончиками пальцев. — Как насчет такого решения? Этот Хуан-сюн будет наказан десятью чашками напитка. Если он согласится, то я забуду о его ошибке. Как вам?»

Цэн Тяньлэй сказал: «Десять чашек? Хуан-сюн уже так пьян, как он может выпить еще десять чашек?»

Линь Цинъюй холодно сказал: «Раз вам его так жаль, вы хотите выпить за него?»

«Это...»

Сегодня, чтобы угостить своих друзей, Лу Цяосун принес отличное выдержанное вино. Три чашки - и это ударило бы вам в голову; пять чашек - и вы были бы пьяны; десять чашек - и от опьянения вы бы упали замертво, потребовалось бы два-три дня, чтобы прийти в себя.

«Разве это не просто выпивка? Я выпью за него, — вызвался Лу Цяосун. — Эй, подай мне вина».

Цэн Тяньлэй остановил его: «Цяосун, ты не можешь. Лекарь сказал, что твое тело...»

«Это просто вино. Кого мне, Лу Цяосуну, бояться?»

Цэн Тяньлэй не мог остановить его и беспомощно наблюдал, как Лу Цяосун пил одну чашку за другой. Когда он допил последнюю чашку, то был на удивление трезв. Выпив последнюю чашку, Лу Цяосун перевернул чашку на столе, вытер жидкость с уголка рта и посмотрел на Лу Ваньчэна, как будто пытаясь спровоцировать.

«Итак, теперь ты доволен?»

Лу Ваньчэн хлопнул в ладоши и рассмеялся.

«Третий брат умеет пить».

Лу Цяосун холодно фыркнул: «Я закончил твоё наказание. Если больше ничего нет, то прости меня за то, что я тебя не провожаю».

Лу Ваньчэн слегка улыбнулся и сказал: «Жена, давай вернемся».

Линь Цинъюй взглянул на Лу Цяосуну – его глаза, казалось, смотрели на мертвеца.

В ту ночь женский крик нарушил обычное спокойствие резиденции Хоу. Шум суматохи постепенно нарастал. Звук хаотичных шагов, смешанных с приглушенным шепотом, постепенно распространился от павильона Циндай до Павильона Голубого Ветра. Вскоре после этого Хуань Тун, ворвавшись в спешке, наконец произнес эти слова: «Молодой мастер, молодой мастер Хоу, в павильоне Циндай наконец-то произошел несчастный случай!»

Стоя у окна, Линь Цинъюй повернулся к Лу Ваньчэну и улыбнулся.

«Ваньчэн, не хочешь выйти и посмотреть?»

«Пойдем, пойдем», — сказав это, немного ошеломленный Лу Ваньчэн чувствовал, что что-то не так. Прошло некоторое время, прежде чем он понял, в чем дело, и невольно усмехнулся.

Оказалось, что, если вы хотели, чтобы прекрасный злодей изменил обращение к вам, вам нужно было только позволить ему успешно «творить зло». Если он был счастлив, то мог называть вас как угодно.

Это было очень хорошо, хотя и немного мучительно для почек. Но в любом случае, это не его почки пострадали.

Лу Ваньчэн посмотрел вниз – туда, где должно было быть его сердце, и внезапно ему в голову

пришла идея.

Если бы... Если бы Линь Цинюй обратился к нему, используя его собственное имя, что бы он тогда почувствовал?

Автору есть что сказать:

Другие переселенцы в книги: Нужно повлиять на злодея! Переселённая в книгу соленая рыба: Твори зло и танцуй!

<http://bllate.org/book/15122/1336640>